

А. Н. МАЛЬЦЕВ
ВОЙНА ЗА БЕЛОРУССИЮ
И ОСВОБОЖДЕНИЕ СМОЛЕНСКА В 1654 г.

I

С самого начала народного восстания, вспыхнувшего на Украине в 1648 г. под руководством Богдана Хмельницкого, украинский народ проявлял неуклонное стремление к объединению с братским русским народом. Только в союзе с великим русским народом и в составе Русского государства украинский народ мог спасти себя от поглощения панской Польшей и султанской Турцией и обеспечить себе лучшие условия для хозяйственного и культурного развития.

Народное восстание на Украине явилось толчком к массовому восстанию и в Белоруссии. На помощь белорусскому народу с Украины пришли казацкие отряды, которые быстро пополнялись восставшими крестьянами и горожанами. К осени 1648 г. восстанием была охвачена почти вся территория Белоруссии. Испуганная шляхта бежала в глубь Польши. В Белоруссии восставший народ проявлял такую же тягу к объединению с братским русским народом, как и на Украине.

Выражая волю украинского народа, Богдан Хмельницкий уже в 1649 г. поднимал перед московским правительством вопрос о присоединении Украины к России и оказании ему помощи в борьбе с польскими данами. С такими же просьбами Хмельницкий обращался к московскому правительству и позднее. Однако его просьбы о присоединении Украины к Русскому государству были первоначально отклонены.

Главной причиной, вызывавшей нерешительность московского правительства в этом вопросе, было внутреннее положение России в середине XVII в. Закрепощение крестьян, оформленное Соборным Уложением 1649 г., вызывало постоянные крестьянские волнения. В середине XVII в. по всему Русскому государству прокатилась также волна городских восстаний, охвативших крупнейшие центры страны — Москву, Новгород, Псков, Устюг, Сольвычегодск, Курск и другие города. В городских восстаниях, отражавших обострение классовой борьбы беднейших и средних слоев городского населения против городской верхушки и дворян, деятельное участие принимали стрельцы. Не случайно один опочецкий стрелец, возможно, участник псковского восстания 1650 г., становится позднее руководителем восставших крестьян в Белоруссии¹. Московское

¹ 1 июля 1654 г. Александр Корницкий писал к венденскому воеводе Николаю Корфу: «...Первое, Себеж и Освня сожжено. Пушки и порохи вабраны, а что пуши, наши ж подданые, как красногородские, также и себежские, а на останок не откуды и лучьяные, учиня веру перед воеводою опочецким, послушания уже не хотят отдавати. И почин уже есть от дулицыных подданых: лишь зарубезный именем Жуков, стрелец того же московского города, взволновавши мужиков розных, на дулицыные ближних [магнотси] наезжают» (Дела Польские, 1654 г., № 2, лл. 16—17).

правительство опасалось, что военный конфликт с Речью Посполитой мог вызвать внутренний кризис в самой России.

К тому же международная обстановка в середине XVII в. не была благоприятной для России. Английская революция вызвала ухудшение отношений с Англией, еще более обострившихся из-за ограничения прав английских купцов¹. Россия не была уверена в нейтралитете Швеции² в случае возникновения конфликта с Речью Посполитой. Отношения России с Турцией были также напряженными.

Только в 1653 г. был решен вопрос о присоединении Украины к России. Решение об этом было принято собравшимся в Москве 1 октября 1653 г. земским собором. Имеются, однако, сведения о том, что решение московского правительства о помощи Украине было принято еще до созыва земского собора 1653 г. В записи об этом решении говорится: «И нача государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры нынешняго первыя недели 161 (т. е. 1653.—А. М.) году, понедельник в великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сених»³. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело»⁴. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Цавренева и Семена Заборовского. «И приказывает им государь сказать всему своему царскому синклиту... свое поведение, чтобы были готовы к его государеву смотру со всею службою, а сроки велел учинить первым мая 20 день, последней петрова поста вторыя недели в понедельник июня 13 день; а смотру изволил быть на Девичьем поле»⁵.

Таким образом, во время совещаний с 22 февраля по 14 марта 1653 г. московское правительство приняло решение о «сем деле», несомненно имея в виду войну с Речью Посполитой. Характерно, что смотр был приурочен к маю — июню, когда удобно было начинать военную кампанию. К этому же времени земский собор мог высказать свое мнение по этому вопросу. О том, что речь шла не о простом смотре военных людей, говорит то обстоятельство, что московскому правительству понадобилось много времени для принятия решения, которое было объявлено только узкому кругу людей. И действительно, в придворную церковь мало кто имел доступ, кроме того, она была слишком невелика по размерам, так что 14 марта 1653 г. там могли быть только доверенные лица.

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале — марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но с

¹ 1 РСЗ, т. I, № 9, стр. 167—169.

² Там же, № 19, стр. 172—177.

³ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXVII, № 85, л. 3.

⁴ Там же, л. 3 об. Слова «благословил на» в подлиннике зачеркнуты.

⁵ Там же, лл. 4 об.—5.

полной уверенностью можно утверждать, что имелась в виду Речь Посполитая¹.

В первый год войны военные действия развернулись главным образом на территории Белоруссии. Этому этапу войны до сих пор в нашей исторической литературе уделялось очень мало внимания. С. М. Соловьев в 4-й главе X тома «Истории России с древнейших времен», излагая первый этап войны с Речью Посполитой, ввел в научный оборот большое количество новых материалов, но на изложении событий сказалось отсутствие в распоряжении автора материалов Разрядного приказа и некоторых документов Приказа тайных дел. С. М. Соловьев и его последователи трактовали борьбу украинского и белорусского народов только как борьбу против религиозного и национального гнета Речи Посполитой, игнорируя тот факт, что эта борьба широкого народных масс носила ярко выраженный антифеодалный характер.

В советской историографии за последние годы появилось несколько работ, в которых рассматривается вопрос о войне за Украину и Белоруссию. В работе И. Ф. Лочмеля² имеется глава, где рассматривается вопрос о войне за Белоруссию в 1654—1667 гг., но автор почти не останавливается на истории войны, а если где и говорит о ней, то допускает серьезные ошибки (он говорит, например, о взятии русскими Белостока и Бреста). Автор уделяет главное внимание движению белорусских крестьян против шляхты, но очень немногочисленный материал, приводимый им по этому вопросу, уже известен по ранее опубликованным работам.

В работе А. А. Савича «Андрусевське перемир'я 1667 року»³ освещены виленские переговоры 1656 г. и заключение Андрусовского перемирия. При изложении хода военных действий автор дает очень мало нового по сравнению с С. М. Соловьевым. Новая работа А. А. Савича «Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 гг.»⁴ представляет определенный сдвиг в изучении вопроса, хотя и в ней ряд вопросов, в частности подготовка войны, освещены совершенно недостаточно.

В настоящей статье сделана попытка на основании новых архивных материалов показать подготовку России к войне за Украину и Белоруссию, а также ход военных операций на центральном участке военных действий, закончившихся взятием Смоленска⁵. Из использованных неопубликованных источников отметим громадный фонд Разрядного приказа. Большой и ценный материал по истории борьбы за Белоруссию находится также в фонде Приказа тайных дел.

¹ Прииде великому государю нашему царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси благий сей помысл о ратном деле, как оберегать истинную и православную христианскую и непорочную веру и святую соборную и апостольскую церковь и всех православных христиан, и недругу бы быть страпну, и объявить себя, великого государя, помощию всещедраго бога... в храбрстве и в мужестве ко ополчению ратному; также бы и людей своих объявить во ополчении ратном храбрственно и мужественно» (там же, лл. 2—3).

² И. Ф. Лочмель. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов, М., 1940.

³ АН УРСР, Інститут історії і археології України, «Наукові записки», 1946, кн. II.

⁴ «Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», т. II, кафедра истории СССР, вып. 2, М., 1947.

⁵ На ходе военных операций в 1654 г. на юго-западном, северо-западном и других участках военных действий автор в данной статье не останавливается.

II

17 сентября 1653 г. была дана «память» дьякам Лариону Лопухину, Алмазу Иванову и Андрею Немирову, в которой указывалось, что с В. П. Шереметевым, назначенным командовать русскими войсками на северо-западе, велено быть «заонежским и сумерским полком»¹. Об этом велено было сообщить в Олонец окольничему воеводе Василию Александровичу Чоглокову. Таким образом, можно сделать вывод, что уже в середине сентября 1653 г. московское правительство принимает решение послать Шереметева в Новгород и Псков с вполне определенными задачами — осуществлять подготовку к войне с Речью Посполитой и руководить военными действиями. Под командование Шереметева ставились все русские вооруженные силы на северо-западе России, включая отдаленные от Новгорода и Пскова заонежские полки.

Решение земского собора 1 октября 1653 г. о присоединении Украины к России уже означало, что московское правительство предполагает начать войну с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию. Официально решение о начале военных действий было обнародовано через три недели — 23 октября, в торжественной обстановке после церковной службы в Успенском соборе. Царь объявил во всеуслышание, что он решил «идти на недруга своего польского короля». Тогда же были назначены воеводы для командования основными действующими силами².

5 октября 1653 г. Алексей Михайлович послал в Новгород «сбираться с ратными людьми» боярина и воеводу В. П. Шереметева, окольничего Семена Стрешнева, думного дворянина и ясельничего Ждана Кондырева. Шереметев и Кондырев должны были собраться с ратными людьми в Новгороде, Стрешнев — в Пскове. После окончания формирования войск в Новгороде и Пскове, воеводы должны были соединиться до 20 мая 1654 г. около границы Речи Посполитой и двинуться по направлению на Невель и другие «литовские» города³. Воеводам, посланным в Новгород и Псков, предоставлялись широкие полномочия. В их обязанность входил пересмотр служилых людей (новгородцев, псковичей, путоржевцев, невлян) и общее руководство подготовкой к военным действиям против Речи Посполитой на северо-западе России. В царской грамоте от середины ноября 1653 г. из Разряда им было указано пересмотреть служилых людей «всех налицо конных и оружных против твоего государеву указу, а пересмотря..., велено их отпустить по домам и розъезжаться им в дальние места никому не велено, а велено им к твоей государевой службе совсем быть наготове, а запасы им велено отпускать на Луки, по зимнему пути». В качестве исходно-оперативной базы для военных действий против Речи Посполитой на северо-западе были избраны Великие Луки, куда служилые люди должны были свозить свои запасы еще зимой 1653/54 г.⁴

В распоряжение Шереметева и Стрешнева поступали значительные военные силы. Под начальством Шереметева находились новгородцы — дворяне и дети боярские четырех пятин и новокрещены, всего 1595 чел.

Из них на конях с пистолями, карабинами и саблями насчитывалось 524 чел., с одними пистолями и саблями — 623 чел.; кроме того, на мерилах с пистолями и саблями — 432 чел. При дворянах и детях боярских были их люди на мерилах с пистолями и саблями. Всего дворян и детей боярских и их людей было 1707 чел., да еще в обозе 223 чел. с пищалями и 155 чел. с рогатинами¹. Кроме того, в состав войск, подчиненных Шереметеву, входили новгородские казаки с головой, атаманами и есаулами — 151 чел. конных с пистолями и карабинами и 147 чел. пеших с пищалями; ладожские казаки — голова и 104 пеших казака с пищалями. Значительная часть войск Шереметева состояла из стрельцов: московских стрельцов с головой и 5 сотниками было 480 чел.; новгородских стрельцов с головой и 5 сотниками — 500 чел. В войско Шереметева входили также полки «нового строя». Из Сумерской волости должны были прийти 9 немецких начальных людей (из них 2 капитана, 1 поручик, 2 прапорщика, 3 сержанта, 1 капитан). Вместе с ними шли русские начальные люди и 700 солдат с мушкетами. Всего в войске Шереметева насчитывалось 4545 чел., «опричь новгородцов Шелонские пятинны, и псковичи, и путоржевцы, и невляны, и лучан, и псковских, и лучских казаков, и стрельцов, и заонежских драгун и солдат»². В общем в сформированную в районе Новгорода и Пскова северо-западную армию входили полк боярина Шереметева, полк окольничего Стрешнева, полк думного дворянина Кондырева. Общее руководство действиями русских войск на северо-западном участке военных действий должен был осуществлять Шереметев.

Из приведенных данных видно, что московское правительство начиная с осени 1653 г. и в течение зимы и весны 1654 г. проводило на северо-западе деятельную подготовку к военным действиям с Речью Посполитой. Новгород и Псков служили опорными пунктами русских войск; здесь находились значительные запасы боеприпасов, много артиллерии, происходил смотр служилых людей, формирование отрядов, частично сбор людей, особенно из отдаленных мест.

Мы не будем останавливаться на общей структуре войск Шереметева, но обратим внимание на их вооружение. Многие конные служилые люди были вооружены не только пистолями и саблями, но и карабинами, пехи — пищалями, солдаты — мушкетами.

Следует отметить ту тщательность, которая характеризует мероприятия московского правительства, проводившиеся в период подготовки к войне с Речью Посполитой, за период с сентября 1653 г. до мая 1654 г. В феврале 1654 г. по царскому указу было велено «во Пскове на ево государев обиход из дворцового хлеба сделать двадцать тысяч чети ржи в сухари, да пять тысяч чети овса в крупы, пять тысяч чети в толкно, а изготова те запасы велено перевезть из Пскова на Луки Великие, а на Луках Великих те запасы велено устроить в анбары, а анбары сделать новые»³. Если мы это распоряжение сопоставим с указом служилым людям возить свои припасы на Луки и с распоряжением В. П. Шереметева идти на Луки из Новгорода, то совершенно ясно, что эти подготовительные мероприятия были направлены против Речи Посполитой. Наше предположение подтверждает распоряжение московского правительства Шереметеву с товарищами от 16 февраля 1654 г., чтобы они велели рас-

¹ ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 156, л. 34.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. «Общ. Польза», кн. II, стб. 1659; ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. 1, лл. 344—347.

³ Дворцовые разряды, т. III, СПб., 1852, стр. 373—374; ПСЗ, т. I, стр. 302.

⁴ Шереметев по царской грамоте, присланной 17 ноября 1653 г., должен был пересмотреть в Новгороде служилых людей из пятин, податных Новгороду; Стрешнев — псковичей в Пскове и из пятин, податных Пскову.

¹ По другому подсчету служилых людей у Шереметева было всего «дворян и детей боярских 1539 человек» (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 156, л. 72), но этот подсчет — суммарный, и мы считаем его мнение точным.

² ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 156, л. 10.

³ Там же, л. 181.

просить дворян и детей боярских, торговых людей и всяких иных, каково расстояние от Новгорода до Великих Лук, на которые места им с ратными людьми удобнее идти, которыми местами лучше и ближе, сколько верст от Великих Лук до границы и от границы до Полоцка, какие литовские города расположены между Полоцком и границей, каково расстояние между этими городами. Данное распоряжение московского правительства Шереметеву достаточно ясно показывает, против кого намечался поход.

Какова же была общая численность русских войск, которым предстояло действовать под командованием Шереметева на северо-западном участке военных действий против Речи Посполитой? В своей отписке Шереметев сообщал, что с ним велено всего быть «драгуном и салдатом пешим десяти тысячи пятисот человеком»¹. Вполне понятно, что в это число входили и солдаты, посланные со Стрельневым. Однако указанная цифра не дает полного представления о численности армии Шереметева, так как в нее, кроме солдат и драгун, входили также большие контингенты дворян и детей боярских, служивших татар и казаков. Не забудем, что русская армия в это время представляла своеобразную картину, обычную и для армий иностранных государств того времени. Она состояла из двух категорий войск: к первой принадлежала дворянская конница и иррегулярные отряды казаков, татар и пр.; ко второй относились постоянные отряды стрельцов и «полки нового строя». Царский указ Шереметеву говорил только о солдатах и драгунах по той причине, что они должны были вступить в Речь Посполитую со стороны Великих Лук. Московское правительство считало наиболее надежным ядром военных сил постоянные войска солдат и стрельцов. Отметим тут же, что в состав войска Шереметева входили также «хлебники» и «харчевники», занимавшиеся снабжением армии и не вошедшие в указанную цифру 10 500 чел.

Великие Луки представляли собой исключительно удобную исходную базу для военных операций русских войск против Речи Посполитой на северо-западном участке военных действий. В приказном документе указываются следующие расстояния от Великих Лук до городов, находившихся за литовской границей: «от Лук Великих до Невельского рубежа — 15 верст, а до Невля — 50 верст; от Лук же до Усвяту 70 верст, а до Озериц 70 же верст, а меж Усвятом и Озериц 30 верст, а Озерица от Невля 15 верст в сторону, а Усвят от Невля 70 верст, а Озерица в сторону ж. Да от Невля до Полотцка 120 верст, а до Витепска 120 ж верст. А от Лук до Полотцка 170 верст. А меж тех городов места болотистые и озера и мхи»². Указанные пункты были теми городами, в районе которых после начала войны развернулись основные операции русских войск, находившихся под начальством Шереметева. Повидимому, перед войсками была поставлена задача выйти к Западной Двине на участке Витебск — Полоцк. Об этом можно судить по росписи предполагаемого пути для следования армии Шереметева, а также по распоряжениям правительства о том, где надо собирать сведения о положении за рубежом.

Московское правительство проявило большую заботу о пополнении войска Шереметева. С этой целью ратные люди перебрасывались из глубинных пунктов России в Новгород и Псков. Например, к Стреш-

неву в Псков должны были явиться астраханские татары (372 чел.) и ногайцы¹.

Мы рассмотрели мероприятия по подготовке к войне с Речью Посполитой, проведенные московским правительством на северо-западной границе за период с сентября 1653 г. до начала военных действий в 1654 г. Но московское правительство не ограничивалось подготовкой к войне на одном только участке границы. Подготовительные мероприятия производились и на других участках западной границы России тем более, что основной удар предположено было сделать в направлении на Смоленск.

В царской грамоте от ноября 1653 г. в Вязьму к стольнику и воеводе И. А. Хованскому и другим указывалось, что служилым людям велено быть в Вязме и запасы свои отпускать в Вязьму «ныне по зимнему пути»². Под запасы служивых людей приказывалось дать дворы; если же в Вязме на посаде и в слободах дворов нехватит, то дворы указывалось давать в селах и деревнях по Московской дороге в радиусе 5—10 верст. Крестьянам, которые должны были быть присланы служилыми людьми с запасами в Вязьму, указывалось делать в Вязме острог³. В Вязме и Вяземском уезде указывалось наспех оборудовать государевы станы. Принимать и размещать запасы служивых людей предписывалось также воеводе в Можайске. Мы видим, таким образом, что с осени 1653 г. осуществлялись подготовительные военные мероприятия и на важнейшем направлении в Смоленск.

В январе 1654 г. царь указал послать в Вязьму на службу голову московских стрельцов Петра Образцова, а с ним в приказе 5 сотников и 500 стрельцов, «завтра генваря в 18 день, без всякого перевода»⁴. Такая поспешность была вызвана появлением Януша Радзивилла с крупными военными силами в районе Смоленска. Московское правительство опасалось внезапного польско-литовского нападения. Сосредоточение вражеских сил подтверждало опасения русского правительства. Стрельцам приказа Образцова в Вязме было указано нести караульную службу по городу, острогу, у ворот и на стенах.

Весной 1654 г. подготовка к войне с Речью Посполитой приняла еще более интенсивный характер. Ратные люди со всего государства стягивались к Москве и к другим пунктам на западной границе. В апреле 1654 г. Алексей Михайлович приказал приготовить в Кимрах, Калязине и Ржеве суда для перевозки ратных людей через Волгу⁵. Воеводам городов по западной границе приказывалось укреплять города. Так, в отписке Андрея Вельяминова из Ржева, поданной в Москве 13 марта 1654 г., сообщалось: «в нынешнем, государь, в 162 году, по твоему государеву... указу велено мне, холопу твоему, быть на твоей государеве службе во Ржеве Володимирове, и остроги и тайники делать; и остроги, государь, по твоему государеву указу... отделаны»⁶. Следовательно,

¹ Там же, л. 285.

² Там же, л. 95.

³ Служивые люди начали присылать своих людей и крестьян с запасами в Вязьму с 4 декабря 1653 г. Грамота о начале постройки острога в Вязме была дана 15 февраля 1654 г. (там же, лл. 95—97).

⁴ Там же, л. 140.

⁵ По царскому указу от 8 апреля 1654 г. И. Д. Милославскому велено было «зубцовским беломесным казакам, половине, которые ныне в Зубцове, для своей государевы службы быть во Ржеве Володимирове с Ондреем Вельяминовым» (там же, л. 26). Служивых людей указывалось посылать к западной границе из Нижнего Новгорода и других городов.

⁶ Там же, л. 27.

¹ ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 156, л. 240.

² Там же, лл. 247—248.

московское правительство предполагало возможным наступление польско-литовских сил и проводило оборонительные работы.

20 января 1654 г. в Вязьме было приказано быть можайским, боровским и борисовским казакам со всей службой и запасами. 4 февраля перечисленные казаки прибыли на службу в Вязьму. Такое распоряжение московского правительства было вызвано тем, что основные силы к этому времени еще не могли быть собраны в Вязьме, а угроза нападения противника требовала усиления гарнизона. К этому же времени (15 февраля) было дано распоряжение о постройке острога в Вязьме. 27 февраля в Вязьму отправилась из Москвы артиллерия («наряд»).

Московское правительство еще в период подготовки к войне с Речью Посполитой придавало большое значение речным судам как транспортным средствам для перевозки людей, оружия, боеприпасов, продовольствия. В условиях развитой речной системы на территории предстоящего театра военных действий, где сходились истоки Днепра и Западной Двины и где имеется много судоходных рек, использование речных судов придавало русским войскам большую маневренность и быстроту. В грамоте воеводе А. С. Вельяминову приказывалось купить в Ржевском уезде 200 пудов смолы, «которая смола пригодится судовому делу».

Московское правительство предполагало собрать основные военные силы в Москве с тем, чтобы отсюда идти к Вязьме и далее на Смоленск. Общая цифра русских войск, сосредоточенных на центральном участке, по некоторым указаниям, исчислялась в 41 400 чел.¹ Такую же примерно цифру (40 000) указывают и английские сведения².

Готовясь к большой войне с Речью Посполитой, московское правительство отправило послов в Швецию, Данию, Голландию и другие страны для уведомления о решении Русского государства начать войну³. Одновременно послам поручалась закупка больших партий различного оружия. К началу войны закупленное оружие стало поступать в Россию. Кн. М. П. Пронский сообщил Алексею Михайловичу, находившемуся в походе, что он получил царскую грамоту с извещением о привозе оружия из-за границы: «везут к тебе, государю, из Немецкие земли ружья, пищали, и шпаги, и латы, и с тем ружьем от Новагорода идут мешкотно». Пронский писал, что он с товарищами «для того ружья того ж числа послали во Тверь ис приказа твоей государевы Большие казны подьячева Ефрема Иванова, а велели ему с тем ружьем из Твери ехать к тебе, государю, в поход на Вязьму наспех, не езда к Москве для того, что из Твери до Вязьмы столко же верст, что и до Москвы»⁴. Из других документов узнаем, что оружие доставлялось «из Риги, ис Канец» через Новгород и Псков⁵, что туда же шли «ружья, пищали, и шпаги, и латы, и свийские королевские мушкетеры»⁶.

Чрезвычайно интересно, что московское правительство еще до начала военных действий рассчитывало на помощь белоруссов. В грамоте от 7 марта 1654 г. воеводам в Новгороде говорилось: «Писано от нас к вам наперед сево и не одинаво, а велено вам из Новагорода итти на Луки и збиратца... с конными и с пешими на Луках. И ныне указали есмя собрався на Луках со всеми нашими ратными людьми итти на

литовской рубеж... и стать на литовском рубеже мая в 20 день, а с рубежа итти к Невло и Полотцку»¹. Здесь мы уже имеем конкретное указание, по какому направлению пойдут русские войска. В этом же документе московское правительство впервые формулирует свою позицию по отношению к населению Белоруссии, на территории которой должны были действовать русские войска: «А ратным людем приказали б есте накрепко, чтоб они белорусцов крестьянские веры, которые против нас не будут, и их жон, и детей не побивали и в полон не имали, и никакова дурна над ними не делали, и животов их не грабили. И которые белорусцы придут к вам в полки, и вы б тех белорусцев нашим государевым жалованьем обнадежили и велели их приводить к вере, что им быть под нащею... рукою навеки неотступно, и нам служить, над полскими и над литовскими людьми промышляли, с нашими ратными людьми согча за один. И которые белорусцы похотят быть и нам служить вместе с нашими ратными людьми, и вы б тем людем велели быть на нашей службе... А будет белорусцы с нашими ратными людьми вместе быть не похотят..., а похотят быть особно, и вы б им... начальново человека доброго поволити, и тому начальному человеку з белорусцы велели б есте быть с собою в походе, приказали б есте беречь и смотреть накрепко, чтобы от них нашим ратным людем какие хитрости не учинилось»².

Из приведенного документа мы видим, что уже в марте 1654 г., еще до начала военных действий, московское правительство отдало строгий приказ своим воеводам, чтобы белоруссов православной веры, их жен и детей, которые не будут участвовать во враждебных действиях против русских войск, не трогали, в плен не брали, не грабили и «никакого дурна над ними не делали». Из этих слов видно, что московское правительство не только не считало белоруссов своими врагами, но и рассчитывало на их поддержку. Правительство предписывало воеводам приводить белоруссов к присяге и призывать их к совместным действиям с русскими войсками против польско-литовских ратных людей. В случае образования особых белорусских отрядов для борьбы с войсками Речи Посполитой эти отряды должны были возглавляться надежными русскими начальниками.

Мы уже видели, что еще в первых числах октября 1653 г. московское правительство направило Шереметева, Стрешнева и Кондырева в Новгород и Псков «збиратца» с ратными людьми, т. е. для формирования армии. Перед армией Шереметева была поставлена вполне определенная задача: к 20 мая выйти на рубеж западнее Великих Лук, следовательно, сосредоточиться непосредственно у польско-литовской границы, чтобы двинуться на Невель, Полоцк, Витебск и другие города. Созданием значительной русской армии на северо-западе достигались сразу две цели: во-первых, под удар армии Шереметева непосредственно ставились воеводства Витебское и Полоцкое и создавалась угроза воеводствам Лифляндскому и Виленскому; во-вторых, Русское государство обеспечивало себя от каких-либо непредвиденных случайностей со стороны Швеции, которая могла действовать из шведской Ливонии.

Надо, однако, отметить, что удар по Речи Посполитой с северо-запада имел только вспомогательное значение. Главный удар московское правительство намеревалось нанести из Москвы через Вязьму на Смоленск, предполагая после взятия или блокирования последнего раз-

¹ ЦГАДА, Гос. архив, паар. XXXII, № 86, ч. 1, д. 233.

² «Thurloe State Papers», v. III, London, 1742, p. 26.

³ ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 16—17. См. также английскую публикацию «Thurloe State Papers», v. I, p. 656; v. IV, p. 16.

⁴ ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 16.

⁵ Там же, л. 40.

⁶ Там же, л. 41.

¹ ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 156, л. 207.

² Там же, лл. 209—210.

вивать успех в глубь Речи Посполитой. Московское правительство никогда не могло примириться с захватом Речью Посполитой западных земель и считало полное их возвращение единственным основным условием прочного мира с Речью Посполитой. Тем более московское правительство не могло примириться с утратой Смоленска, захваченного Польшей в результате польско-шведской интервенции в начале XVII в.

Смоленск являлся важнейшим стратегическим пунктом, расположенным недалеко от Москвы, столицы Русского государства, и других жизненных центров страны, крупным экономическим центром, важным узлом дорог. Из Смоленска, как показал опыт начала XVII в., Речь Посполитая могла угрожать целостности и независимости России. Смоленское воеводство вклинивалось в земли Русского государства.

В 1654 г., после объявления войны Речи Посполитой, московское правительство сосредоточило свои основные военные силы в направлении на Смоленск. Еще 23 октября 1653 г. были назначены воеводы в большой, передовой и сторожевой полки, которым предстояло идти из Москвы в литовский поход: кн. Яков Куденетович Черкасский, кн. Н. И. Одоевский, кн. М. М. Темкин-Ростовский. Эти воеводы должны были действовать под верховным начальством самого царя Алексея Михайловича, который шел в поход во главе государева полка. Центральная (Смоленская) армия по своей численности и артиллерии значительно превосходила северо-западную армию Шереметева и юго-западную Трубецкого.

Третий удар Речи Посполитой московское правительство готовило нанести с юго-запада, из Брянска. Брянск был выбран не случайно. Это был крупный русский укрепленный пункт, находившийся близко от польско-литовской границы и Северной Украины. Еще 23 октября 1653 г. в Брянск были назначены воеводы во главе с кн. А. Н. Трубецким, который должен был возглавлять русскую армию на юго-западе. Солдатские полки, включенные в состав войск Трубецкого, отправились из Москвы в Брянск в середине марта 1654 г., остальные войска — 26 апреля. 23 апреля Трубецкому был вручен царский наказ, содержащий инструкции относительно действий его армии. По плану московского правительства, армия Трубецкого не позднее 9 мая 1654 г. должна была прибыть в Брянск, чтобы, завершив здесь последние приготовления, во второй половине мая одновременно с другими русскими армиями перейти границу Речи Посполитой. Армия Трубецкого должна была действовать в направлении Рославль — Мстиславль — Борисов¹, т. е. под удар этой армии ставились Мстиславльское и Минское воеводства, с одновременным охватом Смоленского воеводства с юго-запада.

III

К 15 мая 1654 г. все приготовления к предстоящей войне были закончены. Но первоначальный план движения армии Трубецкого скоро был изменен.

Алексей Михайлович в письме от 31 мая 1654 г. из-под Царева-Займища к Трубецкому дал следующее указание относительно движения его армии: «да указали мы тебе итить к Богдану Хмельницкому и промышлять вместе»². Трубецкой должен был идти на соединение с

Хмельницким немедленно, вместо В. Б. Шереметева¹. Первоначальные инструкции были изменены по той причине, что московское правительство опасалось возможного нападения крымских татар. Об этом и говорилось в царской грамоте Трубецкому: «а указали для того тебе итить, что Василью (т. е. Василию Борисовичу Шереметеву.— А. М.) велели быть на Украине по прежнему по крымским вестем, что хочет ходить на Украину крымской, сведал то, что Василей пошел в Путивль, и мы велели воротить опять на Украину»². Шереметев должен был «итти в Белгород или в Карпово-Сторожевье и быть там для оберегания от прихода крымцев и ногайцев»³.

В этом же письме Алексей Михайлович развивает план совместных действий войск Трубецкого и Хмельницкого и требует, чтобы Трубецкой с Хмельницким активно действовали, «смотря по тамошнему делу»⁴. Если коронное войско будет стоять на месте, Трубецкой должен над ним «промышлять» сообща с Хмельницким; если войска Трубецкого и Хмельницкого сумеют одолеть коронное войско, необходимо убедить Хмельницкого, чтобы он с казаками и войсками Трубецкого шел к царю на соединение с «коронными местами». Если коронные места окажутся разоренными («будет в пустые места неззя итить»), то Трубецкому вместе с Хмельницким надлежало идти на соединение с царем, причем приказывалось «войною зацепить гараздо коруяные места» (т. е. земли, принадлежавшие Польше)⁵. Как видим, Алексей Михайлович имел в виду посредством совместных операций войск Хмельницкого и Трубецкого на Украине нанести мощный фланговый удар Речи Посполитой. Однако Трубецкой для соединения с Хмельницким на Украину не пошел, а начал военные действия в направлении на Рославль, вследствие чего Хмельницкий писал Трубецкому: «имел еси с нами сойтися под Киевом.., а ныне ведомо чинишь, что уже к Могилеву рушились»⁶.

Хмельницкий 17 мая 1654 г., по распоряжению Алексея Михайловича, приказал северскому запорожскому войску идти в Белоруссию для содействия русским полкам. Отправленное в Белоруссию войско насчитывало 20 000 чел. и состояло из Нежинского, Черниговского полков и охотников-казakov. Во главе войска был поставлен наказной гетман И. Н. Золотаренко, шурина Хмельницкого, который со своим отрядом должен был подчиниться верховному русскому командованию⁷. Отряд Золотаренко должен был действовать из района Северной Украины вверх по течению Днепра и Сожа, перпендикулярно движению русских сил, нанося удар польско-литовским войскам во фланг, ломая линию их обороны по этим рекам.

Таким образом, в 1654 г. после начала военных действий русские армии наступали на Речь Посполитую по следующему направлению: с северо-запада армия В. П. Шереметева наступала на районы Полоцка — Витебска, с востока главные русские силы шли на Смоленск, с юго-запада на Рославль — Мстиславль двигалась армия Трубецкого. Отряд

¹ «И как тебе ся наша грамота придет, и ты бы шел не мешкая Хмельницкому наспех, по нашему разрядному указу, чем скорее можно поспеть, подвадами или илотами, как скорее, так и промышляйте. А к нему весть пошлите перед собою, что вы пошли, а сами тотчас подите» (там же).

² Там же.

³ Дворцовые разряды, т. III, стр. 422—423.

⁴ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. 1, л. 331.

⁵ Там же, л. 332.

⁶ АОЗР, т. XIV, стр. 63.

⁷ «Тому ж подковнику нежинскому приказали есми, чтоб во всем по повелению зоего царского величества исправлялся» (там же, стр. 157).

¹ «На Рославль и на иные литовские города и места» (Дворцовые разряды, т. III, стр. 408).

² ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXVIII, № 86, ч. 1, л. 331.

Золотаренко шел из Новгорода-Северского в направлении на Гомель — Пропойск — Старый Быхов. Кроме того, с сентября 1654 г. из Пскова в направлении Люцин — Режица — Двинск действовал самостоятельный отряд под командованием Л. Салтыкова и С. Елагина. Удар главных русских сил в войне с Речью Посполитой был направлен не на Украину, а на Белоруссию. Главной своей целью во время кампании 1654 г. московское правительство ставило занятие территории Смоленщины и Белоруссии в районе Днепра и Западной Двины.

15 мая 1654 г. началось движение русских войск из Москвы к польско-литовской границе. В этот день Алексей Михайлович послал «наперед своего государева походу в Вязьму»¹ передовой и ертаульный полки. Эти полки должны были составлять авангард главных русских сил, двигавшихся из Москвы. 16 мая из Москвы в Вязьму выступили большой и сторожевой полки². Воеводами в большом полку были: кн. Я. К. Черкасский, кн. С. В. Прозоровский, кн. А. Ф. Литвинов-Мосальский, в сторожевом — кн. М. М. Темкин-Ростовский, В. И. Стрешнев, И. В. Алферьев.

18 мая с остальным войском выступил Алексей Михайлович³. С царем в литовский поход шли грузинский царевич Николай Давыдович и сибирские царевичи Петр Алексеевич и Алексей Алексеевич.

Царя Алексея Михайловича в поход сопровождал почти весь двор: бояре С. И. и Г. И. Морозовы, И. Д. Милославский, Н. И. Романов, В. В. Бутурлин, Б. А. Репнин, Г. Г. Пушкин, И. Н. Хованский и др.⁴. Здесь-то, при дворе, пыльным цветом расцветала оппозиция к начавшейся войне с Речью Посполитой. По этому поводу Алексей Михайлович с горечью писал Трубецкому 31 мая 1654 г.: «А у нас едут с нами отнюдь не единомышленом, наипаче паче двоедущим, как есть оболочка: овогда благопотребным воздухом и благонадежным и уповательным явятся, овогда паче же зноем и яростию и ненастьем всяким злохитренным и обычаем московским явятся, овогда злым отчаянием и погубительным прорицают, овогда тихостию и блевостию лица своего отходят лукавым сердцем. Коротко вам пишу, потому что неколи писать, спешу в Вязьму, а мне уже бог свидетель, каково ставитца двоедущия това, отнюдь упования нет. А потом здравствуйте и творите всякое дело с упованием к творцу своему и будите любовны межь себя... бог с вами, ко мне така бы не ево светлая милость, сокрушение бы моему сердцу малодушие оных. Малое, что в путь идет, а то всегда рогульну statt, все

¹ Дворцовые разряды, т. III, стр. 410—411.

² Там же, стр. 411—412. В других документах срок выступления из Москвы большого и сторожевого полков указан — 17 мая (ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. 1, л. 350).

³ Алексей Михайлович в письме к Трубецкому от 31 мая 1654 г. следующим образом описывает отправление в поход: «Пошли в поход противу врага креста Христова и всех святых неприятеля нашего злодея мая в 18 день, в четверг, после обеда чьсы за три до вечера ис церкви святых... ея Успеня. И первой стал бы[л] в селе Воробьева, а для тово поздно из Москвы пошел. Ратные люди шли с шестаго часу дня, одва перебралися до нас передние, а посла нас шли воеводы дворовые, а за ними только 11 сотен прошло, и те одва до два... (из подлиннике неясно. — А. М.) чьсов вышли за город, а осталося для ноци 67 сотен на поле на Девичьем. А шли все наши ратные люди через дворец. И мы указали тем достальным на завтра 5-м часу дни также через дворец, да на живой мост итить, куда мы, великий государь, шли, а пошли в пятом часу дня, а все одва выбралися, а последня сотня за город вышла в полчяса ноци. А в сотне во всякой своими головами по 90 человек, опрчь людей, а с людьми последия царев дворцов по 500 человек, а в стольничьих по 1000 по 500 человек, а городовых по 100 человек и с людьми, последия по 150 человек» (ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. 1, лл. 330—331).

⁴ Там же, лл. 244—245. См. также Дворцовые разряды, т. III, стр. 413—414.

врознь, а сверх тово сами знаете обычьи их»¹. В правящих кругах Речи Посполитой знали о такого рода настроениях среди части московских придворных в связи с войной².

Польско-литовские военачальники, говоря о наступлении русских армий на Речь Посполитую, в 1654 г. писали, что такому великому «нашествию» никогда ничего не было подобного³.

Московское правительство в начале войны предписывало начальствующим в полках воеводам применять следующую тактику действий русских войск: над большими городами воеводы должны «промышлять» совместно, над иными городами — «посылками». Воеводам давалось строгое указание, чтобы они, прежде чем приступить к осаде или штурму того или иного города, предварительно посылали в этот город листы с предложением сдаться, и лишь в случае отказа города сдаться воеводы имели право прибегать к оружию⁴.

Войска из Москвы шли по Смоленской дороге. 25 мая Алексей Михайлович прибыл в Шелковку. В этот день было отправлено приказание воеводе сторожевого полка Темкину-Ростовскому, чтобы он немедленно со своим полком шел под Белую и, взяв ее, возвращался в Дорогобуж⁵. Сторожевой полк свернул с Смоленской дороги на северо-запад, и уже 1 июня город Белая сдался русским войскам⁶. Темкин-Ростовский 4 июня писал царю Алексею Михайловичу, что литовские люди, «которые были на Белой, видя над городом и над собою бояр и воевод и государевых ратных людей промыслы и крепкую осаду, добились челом и город Белою здали»⁷. 14 июня Алексей Михайлович приказал Темкину-Ростовскому оставить в Белой осадного воеводу З. Новосильцева с ратными людьми, а самому с сторожевым полком идти на соединение с главными силами⁸.

3 июня сдался город Дорогобуж⁹. По сообщению воевод кн. И. А. Хованского и Б. М. Хитрово, как только «государевых дворцовых сел охочие люди»¹⁰ пришли к Дорогобужу, дорогобужский наместник и шляхта, «убоясь» прихода русских ратных людей, из Дорогобужа побежали в Смоленск, а посадские люди сдали Дорогобуж без боя.

В тот же день в Дорогобуж был отправлен ертаульный полк. 8 июня из Вязьмы в Дорогобуж выступил передовой полк, а вслед за ним на следующий день — «большой полк»¹¹. Ертаульный полк в это время уже находился в Смоленск, а русское командование сосредоточивало войска, чтобы повести энергичное наступление на Смоленск. Сторожевой полк из-под Белого должен был успеть вернуться на соединение с главными силами еще до начала осады Смоленска. Московское прави-

¹ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. 1, л. 334.

² В письме из литовского обоза от 11 июля 1654 г. по поводу боя под Смоленском говорится: «еще пуще сетовали бояре думные, те, которые войну стговаривали» (ЦГАДА, Дела Польские, 1654 г., № 2, л. 41).

³ Польско-литовский военачальник, видимо, Януш Радзивилл, писал к польскому королю в письме от 6 июля из Орши: «Надо защищения с ним тех широких и дальних границ от Пологика, аж до Мозыря, те менши, де содержания такому великому войск нашествию ни единого несть подобия» (там же, л. 28).

⁴ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. 1, л. 333.

⁵ Дворцовые разряды, т. III, стр. 424.

⁶ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. 1, л. 382. (Роспись польским и литовским городам, сдавшимся или взятым в 1654—1656 гг.).

⁷ Там же, лл. 358—359.

⁸ Дворцовые разряды, т. III, стр. 430—431.

⁹ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. 1, л. 382.

¹⁰ Дворцовые разряды, т. III, стр. 425.

¹¹ Там же, стр. 427—428.

тельство спешило скорее овладеть Смоленском, так как оно было ин-формировано, что ни в Смоленске, ни около него нет значительных польско-литовских войск. 13 июня в Дорогобуж прибыл Алексей Михайлович¹. Передовой, ертаульный и большой полки выступили из Дорогобу-жа к Смоленску до 20 июня. 19 июня Н. И. Одоевский получил от Алексея Михайловича приказание переправляться с передовым полком через Днепр около Пнева и располагаться на указанных ему местах. В тот же день передовой полк подошел к Днепру, построил мост, а 20 июня весь полк переправился на другую сторону Днепра и стал у реки обозом².

Алексей Михайлович отправился из Дорогобужа под Смоленск 20 июня и 23 июня с дороги послал приказание Б. М. Хитрово рассмот-реть, «где государеву стану быть пригоже»³. Вслед за этим (24 июня) Одоевский получил распоряжение идти под Смоленск и стать возле та-бора М. Б. Шеина⁴. 25 июня на р. Колодне под Смоленском произошел бой между русскими и польско-литовскими войсками. На русский пере-довой полк напал вышедший из Смоленска отряд под командованием полковника Корфа в составе 400 конных и 200 пеших солдат⁵. Отряд был вынужден отступить. 26 июня передовой полк подошел к самому Смоленску, о чем Н. И. Одоевский донес Алексею Михайловичу: «стали на реке на Днепре, укрепясь обозом, и зделали для поспешенья мост обычной из хормонного лесу»⁶. 28 июня Алексей Михайлович пришел под Смоленск и остановился в своем стане на Богдановой околице⁷.

Смоленский гарнизон отказался сдать город русским войскам, и рус-ское командование приступило к осадным работам. Только 30 июня на Покровскую гору был отправлен кн. И. И. Дашков с двумя стрелецки-ми приказами и тремя сотнями служилых людей, чтобы сделать на Покровской горе земляной город для расположения ратных людей и артиллерии⁸.

Из Смоленска поляки производили вылазки. Ян Ганжбок доносил Радзивиллу, что как только русские войска подошли к Смоленску и расположились за Днепром, он со своим отрядом ночью вышел из горо-да и напал на лагерь русских, одержав «какову ни есть победу над неприятелем»⁹. Что это была за «победа», достаточно хорошо видно из дальнейших слов Ганжбока: «Я ныне с людьми из Смоленска в осмом часу рано вышел с войском и одним походом аж до Красного, а иного быть не мог, для того, что неприятель умыслил за мною погоню послати. И тут, час покормя, идем далее»¹⁰.

5 июля Алексей Михайлович стал на Девичьей горе, в двух верстах

от города¹. В первых числах июля около Смоленска была сосредоточена вся центральная русская армия. Но Смоленск, несмотря на призывные джисты, не сдавался. «Июля в 9 день, по государеву указу, митрополит со всем священным собором, со кресты и с иконами ходили около Смо-ленска около всего города»². Но и эта демонстрация, которая должна была оказать влияние на православное население Смоленска, не помо-гла. Перебежчик-датчанин, служивший в Смоленске секретарем у немецкого подполковника, бежавший из Смоленска в полки Одоевского, пока-зал, что в Смоленске на 26 июня было около 1200 воинских людей, а всего жителей — больше 6000³. Этот же перебежчик, сообщил, что пушки в Смоленске стоят «по воротам и по круглым башням», а на мелких башнях до его перехода к русским войскам пушки еще не были постав-лены. Когда Одоевский с ратными людьми пришел под Смоленск, из Смоленска пушечной стрельбы не было, потому что до русских полков ядра не долетали. По показаниям перебежчика, в Смоленске имелись две большие пушки, взятые поляками еще во время Смоленской войны у боярина Шеина. Они находились против пролома Шеина, причем одна стояла на колесах, а другая лежала на земле. Перебежчик сообщил лю-бозытную деталь, что гайдуки и немецкая пехота стоят по воротам и на валах, а мешане — по городу⁴. Из этого можно заключить, что поль-ское командование не доверяло мешанам при обороне города.

Другой пленный также дал показания о количестве и расположении в Смоленске артиллерии. Он же сообщил, что все городские ворота за-валены камнями, а проезжими оставлены одни только ворота, выходящи-е к Днепру⁵.

По другим данным, состав гарнизона Смоленска выглядел несколько иначе. По этим данным, в Смоленске «конных людей нет, только до есть лошади у одних у старшин, и тех де будет человек с пятьдесят, а то де все пешие. А пехоты де у полковника Корха зброуиной также тысяче двести человек». Кроме того, насчитывалось «замковой пехоты шесть-сот человек», да еще 200 чел. пехоты у ротмистров. «А иные де служат воеводе человек с двесте. Да жилецких людей на посаде тысяча пятьсот человек, да шляхетских людей, которые оставлены в шляхетских домох тысячи с четыре; кроме того никаких людей нет»⁶.

В начале июля Смоленск был блокирован русскими войсками⁷. Но русское командование не решалось брать Смоленск штурмом, пока с тыла угрожали войска Януша Радзивилла. После того как центральная русская армия перешла польско-литовскую границу, Радзивилл предпо-чел отступить из-под Красного к Орше, куда он прибыл, видимо, в середине июня⁸. Численность его войска, по данным источников, варьи-

¹ Дворцовые разряды, т. III, стр. 430.

² ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 81.

³ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. 1, л. 362.

⁴ ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 128.

⁵ Там же, л. 110.

⁶ Там же, л. 103.

⁷ Дворцовые разряды, т. III, стр. 182.

⁸ И. И. Дашков доносил Алексею Михайловичу, что ему велено «для приезду польских и литовских людей зделать земляной город, где преж сего бывали старые земляные крепости, где стоял полковник Юрас Матусов... И по мере, государь, земляново города две длинные стены с наугольными башнями по сту сажень, а поперешиные, государь, стены по штидесят сажень». «А велено изготовить место, где по-ставить твой государев наряд июля к осьмому числу, и первому часу дни» (ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 140 и 143).

⁹ ЦГАДА, Дела Польские, 1654 г., № 2, л. 18.

¹⁰ Там же, л. 19.

¹ Дворцовые разряды, т. III, стр. 434.

² ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. 1, л. 367.

³ «А вестей оказвал: в Смоленску де ныне воевода Обухович, а ратных людей 3 роты гайдуков, а в роте по 35 и по 40 человек, да у полковника у Корфа 6 рот, а в роте по 90 и по 100 человек, да у подполковника Индрика... 5 рот пехоты, а в роте по 90 ж и по 100 человек. Да в городе же в Смоленске белорусцы и мешаня, а сколько их порознь, того не ведает, потому что при нем поиски людем в городе не было. А сказывают в Смоленску всяких людей гайдуков и немецкой пехоты и бело-русцев и мешан 6000 человек» (ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 104).

⁴ Там же, лл. 105—106.

⁵ Там же, л. 113.

⁶ ЦГАДА, Дела Польские, 1654 г., № 1, л. 16.

⁷ «Под Смоленск пришли государевы большие люди и облегли вокруг» (там же, л. 14).

⁸ ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 112.

руется от 6¹ до 15 тыс.² чел. Повидимому, количество войск у Радзивилла не превышало 10 тыс.³ Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, против Одоевского был послан полторатысячный отряд Ганского⁴, который ночью напал на спящий лагерь и нанес русским серьезные потери⁵; «и тамо через два часа и больши ручным оружием бились»⁶. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Русское командование решило направить против Радзивилла значительные силы, сознательно пойдя на ослабление своих сил под Смоленском, но в то же время не снимая осады со Смоленска. Движением на Оршу русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу и выйти глубоко в тыл Смоленску, чтобы не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному гарнизону и, в случае нужды, оказать помощь армии Трубецкого.

В связи с этим Алексей Михайлович послал под Оршу против Радзивилла войска, взятые из большого, передового, сторожевого и прибылого полков, под общим командованием Я. К. Черкасского⁷.

25 июля Черкасский получил царскую грамоту, в которой сообщалось, что Радзивилл пошел на Трубецкого. Черкасскому приказывалось идти за Радзивиллом наспех, настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с Трубецким; если же Радзивилл на Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Черкасский должен был не допустить его соединиться с литовскими людьми⁸.

Русские войска под командованием Черкасского быстро приблизились к Орше и взяли этот город. По донесению Черкасского, дело обстояло следующим образом. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их, побежал из Орши»⁹ и отступил к Копыси¹⁰. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил Трубецкой, «сослався» с Черкасским¹¹. Под давлением русских войск Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа Копысь сдался войскам Трубецкого¹².

К этому же времени к Копысю подошли войска Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Радзивилле

¹ ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 107

² ЦГАДА, Дела Польские, 1654 г., № 1, л. 14.

³ ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тысяч войска («Витебская старина», т. IV, стр. 60).

⁴ ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107 и 112. На л. 107 говорится о подполковнике Ганском, а в Делах Польских, 1654 г., № 2, л. 29 в письме Радзивилла королю говорится: «сам пан Гансков».

⁵ По данным польско-литовских источников, несомненно, во много раз преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 5000 чел. (Дела Польские, 1654 г., № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

⁶ Там же, л. 29.

⁷ ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. 1, л. 366 (в состав прибылого полка входила часть дворян и детей боярских государева полка).

⁸ ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

⁹ ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

¹⁰ 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю, ударил на спящих и нанес им серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Черкасский еще 2 августа был у Копыси. Это был временный успех польско-литовского войска. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Радзивилла.

¹¹ ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 б.

¹² ЦГАДА, Гос. архив, разр. XXVII, № 86, ч. 1, л. 382. «И с Копыси города польи и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с хлебом и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 б.).

стольника и воеводу ертаульного полка кн. Ю. Борятинского, а с ним из всех полков голов с сотнями. 2 августа Борятинский уведомил Черкасского, что он пришел к Шклову и завязал бой с литовскими людьми. Получив эту весть, Черкасский немедленно послал к Шклову «наперед себя» воеводу Д. П. Львова, а потом сам со всеми ратными людьми пошел от Копыси к Шклову, и «пришли на бой с большим поспешеньем»¹.

Под Шкловом произошел бой, в результате которого русские войска нанесли поражение Радзивиллу², отступившему из-под Шклова к Борису. Надо отметить, что войска Трубецкого не принимали участия в бою под Шкловом, как неправильно утверждает Ф. Добрянский³, так как они в это время находились уже за Днепром⁴. После сражения под Шкловом войска Черкасского находились между Копысью и Оршей⁵. Черкасский должен был «промышлять» над Шкловом и Быховым⁶, которые все еще находились в руках неприятеля, но 13 августа Черкасский получил от царя приказание идти под Дубровну⁷.

В это время, в результате послышки из-под Смоленска значительных сил к Орше, Кричеву и другим городам, осаждавшие город русские войска были сильно ослаблены. Но это вовсе не означало снятия осады со Смоленска. Под Смоленском попрежнему находились царский стан и большое количество артиллерии. В середине августа русское командование решило взять город штурмом. В ночь на 15 августа русские ратные люди «на город взошли и башню засели». Литовские люди, «видя свое безсиле», подкатили под Лучинскую башню порох и зажгли. Башня обвалилась, и много русских погибло. Приступ окончился неудачно, и русские войска были вынуждены отойти, потеряв много убитыми и до 1000 чел. ранеными⁸. Но и польско-литовский гарнизон Смоленска был обескровлен. К тому же у гарнизона не оставалось никакой надежды на получение помощи извне, так как Радзивилл дважды, под Шкловом и Борисовым, потерпел сильное поражение. Мещане с самого начала осады Смоленска стояли за сдачу города русским, но встречали сопротивление со стороны шляхты и командования гарнизона. Однако и для последних к началу сентября стало ясно, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

После неудачного штурма Смоленска русское командование стало подтягивать к городу артиллерию. Уже 19 августа А. Матюшкин отступил из Вязьмы под Смоленск четыре большие голландские пищаля⁹. Этот «наряд» был затребован Алексеем Михайловичем, чтобы усилить огневые действия.

Об интенсивности использования русскими артиллерии в войне с Речью Посполитой, в частности при осаде Смоленска, говорит челобитная московских пушкарей на царское имя. Пушкари сообщают, что они 27 февраля были посланы из Москвы на службу «з большим с русским и з голландским нарядом»¹⁰. Когда они прибыли под Смоленск, то

¹ ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, лл. 107—108.

² АЮЗР, т. XIV, стр. 5.

³ См. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской Археографической комиссии».

⁴ АЮЗР, т. XIV, стр. 6.

⁵ Там же.

⁶ «Стоят меж Орши и Копыси отстав» (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 215).

⁷ Там же, лл. 215 и 255.

⁸ Там же, л. 207.

⁹ «Четыре пищаля галанские большие, по пуду по штинадцати гривенок ядро, да четыре станы, да четыре волока» (ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 158, л. 163).

¹⁰ ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 405, л. 226.

«стояли под стеною на роскатах, стреляли по башням день и ночь беспрестанно»¹. После взятия Смоленска царь разрешил отпустить сорок пушкарей (всего их было 80) обратно в Москву².

2 сентября смоленская шляхта и духовенство подали Алексею Михайловичу статьи об условиях, на которых они готовы добровольно сдать Смоленск³. Смоленский воевода Обухович и полковник Корф просили царя прислать в город своих уполномоченных для переговоров. Для успеха переговоров царь приказал Трубецкому немедленно отобрать 5 полков и прислать их на стан под Смоленск⁴. 10 сентября Алексей Михайлович послал для ведения переговоров И. Б. и С. Ю. Милославских, А. С. Матвеева и М. Лихачева. Было договорено, что воевода, полковник и все желающие из шляхты и из мещан могут выехать из города; тем же, кто этого пожелает, разрешалось оставаться в Смоленске⁵.

23 сентября царь со всеми полками подошел к городским стенам и стал против Молоховских ворот. Смоленский воевода, полковник, литовские ратные люди вышли из Смоленска «государю челом ударили на поле, и знамена положили перед ним»⁶ и после этого ушли в Литву. В этот же день в Смоленск вступили русские войска. Характерно, что подавляющее большинство жителей не пожелало уйти из города, хотя имели для этого полную возможность. В Смоленске осталось почти все население, в том числе начальные люди, всякие служилые и жилецкие люди, «мало не все»⁷.

Таким образом, одна из главных задач кампании 1654 г. была достигнута — Смоленск был взят русскими войсками.

Занятый русскими войсками Смоленск сделался важным административным центром. В 1654—1655 гг. смоленским воеводой был Григорий Гаврилович Пушкин, незаурядный государственный деятель, проявивший себя как дипломат и администратор. Смоленск сразу же стал и крупным военным центром. Сюда собирались ратные люди, которые должны были служить в войсках Я. К. Черкасского, Н. И. Одоевского, Б. А. Репнина и в «государевом» полку. Царь перед отправлением в поход обычно устраивал в Смоленске смотр войскам. Здесь были сосредоточены крупные военные и другие запасы, свозившиеся со всех концов Русской земли. Смоленск обладал тем преимуществом, что он стоял в центре дорог и был расположен на Днепре. Отсюда переправляли войска, припасы, оружие и снаряжение. Смоленск находился в центре занятых русскими войсками земель. Это имело большое значение для русского командования, которое перебрасывало отсюда войска в нужные места.

Чем же объясняется столь быстрый и значительный успех кампании 1654 г., во время которой русские заняли огромную территорию, когда им сдавались без сопротивления такие города, как Полоцк, Могилев и другие, когда польско-литовское войско несло одно поражение за другим? Совершенно очевидно, что поражения Речи Посполитой в войне

объясняются не только ее военной неподготовленностью. Военные неудачи были прямым следствием общественно-политической слабости Польши, раздиравшейся внутренними противоречиями и жестоко угнетавшей те народы, на территории которых происходили военные действия. Подавляющая масса населения Белоруссии — белорусское крестьянство, беднейшие слои городского населения, подвергавшиеся жесточайшей феодальной эксплуатации, а также национальному и религиозному гнету, не хотели выступать против России и защищать панскую, шляхетскую Польшу. Крестьянство жаждало сбросить с себя ненавистное крепостное иго. Польско-литовские правящие круги отмечали, что на крестьян плохая надежда: «На мужиков худая надежда, их лучше надобно опасаться»¹. Представители господствующего класса Речи Посполитой свидетельствовали, что «мужики велми недобрехоты, везде на царское имя здаютца. Как и недавно волость вся велми велика, в которой с пшцалми, стрелцов и иных с оружием добрых много было, на имя царское присягу учинив, болши злого, нежели самая Москва, чинят. То же зло, что и дале распространяется будет, zelo опасатися образца казацкие войны и не только, что злого не чинят, но пущи, что братья их казаки уже розыгралися и жалованье дают и всяко наделают»².

С начала военных действий между Россией и Польшей крестьяне стали открыто нападать на шляхетские маенности. Александр Корницкий из Люцина писал 1 июля 1654 г. Корфу, что опочецкий стрелец Жуков, «шиш зарубежный», взволновал крестьян, которые стали нападать на близлежащие к Люцину шляхетские маенности³. Польско-литовские начальники констатировали, что крестьяне начинают собираться «не с нами, но против нас»: «Меж мужиков еще вящшая обретаецца охота и собиратися починают, но и те вскоре не с нами, но против нас будут, когда уведают, что на нас и казаки встали, что уже явно есть всем»⁴. В письме от 6 июля 1654 г. из Орши польскому королю доносили, что в Лифляндском воеводстве крестьяне начали открыто выступать против шляхты, препятствовали ей вывозить свое имущество и говорили, что они с русскими будут стоять заодно: «А на останок и в Ыфлантех мужики бунтуютца, панов своих не слушают и вывозчимся из домоу своих подвод не дают и тешатся из тое войны и говорят, что свяене вместе заодно с Москвою, и они лучше изволяют с ними держать»⁵. С. В. Веславский в письме из Таврогина от 10 июля 1654 г. к Радзивиллу доносил: «И уже холопи почали было зговариватися с различных уездов стрелцы, а иные с косами почали было готовитися посем»⁶.

Население городов Белоруссии не хотело драться против русских войск. В Могилеве, например, беднейшие и средние люди говорили, что как только русские войска придут к городу, они объединятся с русскими ратными людьми и будут стоять заодно против тех, кто не хочет сдать город и борется против русских⁷. Появление русских войск на Смоленщине и Белоруссии дало сильный толчок движению крестьян против помещиков. Развернувшееся крестьянское движение и движение городских низов явилось одним из важнейших условий успешных действий русских войск в войне между Россией и Речью Посполитой.

¹ ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 405, л. 226.

² Там же, л. 227.

³ АЮЗР, т. XIV, стр. 251—258.

⁴ «И вы б тотчасу отобрав у себя четыре полка салдатцих с полковники, и с чиновными людьми, и з солдаты, и з пятой Барклаев полк с маеором, прислали б есте к нам тотчасу на стан под Смоленск не мешкав» (ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 263, л. 96).

⁵ Дворцовые разряды, т. III, стр. 448.

⁶ Там же.

⁷ АЮЗР, т. XIV, стр. 83.

¹ Дела Польские, 1654 г., № 2, л. 53.

² Там же, лл. 43—44.

³ Там же, лл. 16—17.

⁴ Там же, л. 25.

⁵ Там же, л. 44.

⁶ Там же, л. 37.

⁷ АЮЗР, т. XIV, стр. 195.